

Ира
ДАЛИНСКИ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

СТРОПТИВАЯ
Любимая
для ГОРЦА

18+

Ира Далински

Строптивая любимая для горца

<https://litres.ru/74159597>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я никогда не полюблю тебя. Слышишь? Я тебя ненавижу! – кричу ему в лицо и на миг встречаюсь с потемневшим взглядом.

– Ненависть или любовь. Уже все равно. Главное, что ты теперь моя!

Он – кавказский полковник. Человек с пугающей властью, который преследовал меня, и которому я посмела отказать.

Но мой отказ лишь разжег его и Сайдулаев обещал, что через неделю лично снимет с меня свадебное платье. В его постели.

Он насильно заполучил меня, вопреки всем кавказским нормам. Но сможет ли полковник заставить мое сердце полюбить его?

В тексте есть:

- влюбленный (волк) горец, жёсткий, одержимый, будет подбешивать
- нежная, но строптивая героиня
- герой добивается героиню не самыми дозволенными путями
- Кавказ, история вымышленная
- счастливый финал

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Строптивая любимая для горца

Глава

Пролог

– Ты знаешь, зачем я здесь, – говорит он, и в его словах нет вопроса. Только утверждение. – Я не успокоюсь, пока не заполучу тебя.

– Полковник... – голос предательски срывается, когда его ладонь скользит по моей талии, прижимая к себе сильнее.

Медленно. Намеренно.

– Анзор, – поправляет он. – Сегодня я не полковник для тебя.

Его губы в сантиметре от моих, и я чувствую их тепло. Осталось лишь чуть двинуться навстречу... И я пытаюсь оттолкнуть его, однако мои руки бессильно упираются в твердую грудь.

Я отказала ему. Отказала самому полковнику МВД, о власти и деньгах которого мечтает каждая девушка здесь.

Но мне не нужно его богатство, когда он по-скотски ведет себя с женщиной. Трогает меня словно имеет право. Словно уже стал моим мужем.

Грубый, властный, без права на отказ.

– Отпусти меня.

– Скажи, что ты моя. Скажи, *Эля*.

Его лоб прижат к моему, он ласково трется кончиком носа по моей щеке. Жест такой неожиданно нежный от этого могучего мужчины, что сердце предательски сжимается.

Я закрываю глаза, чувствуя, как его дыхание смешивается с моим и выдыхаю единственно верное:

– Я выхожу замуж. За другого.

Глава 1

Я приехала на Кавказ, чтобы увидаться с родней покойных родителей. Мне было одиннадцать, когда мамы и папы не стало одновременно. Они задохнулись в пожаре.

Тогда мы все жили здесь, в этой солнечной кавказской республике. У нас была старая маленькая квартирka, но нам хватало, поскольку сестер и братьев у меня нет.

Пожар начался ночью. Старая проводка, как утвердила экспертиза. Мама еще торговала постельным бельем и безделушками из Китая. Это первое, что воспламенилось и огонь верно надвинулся на наши комнаты.

Тела остались не тронуты, но от едкого запаха дыма мои родители умерли. Задохнулись во сне, так и не поняв, что произошло.

Как выжила я?

В ту ночь я ушла спать к бабушке. Матери отца. Она жила в квартире напротив, и я частенько оставалась у нее с ночев-

кой, чтобы ей не было одиноко.

Как-будто ангел-хранитель сподвиг меня тогда уйти к бабушке, лечь в ее теплую постель и уснуть непробудным сном.

Мне долго не рассказывали, где мои родители и почему вокруг столько плачущих людей. Когда закончился трехдневный траур, жена моего дяди сообщила, что мамы и папы больше нет. И что отныне я буду жить у своей незамужней тети в Москве.

Эти события сломали мою психику.

Понятно почему дядя не захотел меня в свою семью. Его жена всегда придиралась ко мне. Не так одета, не так разговариваю. «Не воспитанная дрянь» как-то бросила она, за что получила пощечину от моего дяди.

Сестра моего отца, та, что приютила меня в Москве, живет сама себе. Никогда не была замужем и не хочет.

Она с радостью приняла меня в свои объятия и можно сказать заменила мне мать. В любом случае, тетя очень старалась. Она устроила меня в московскую школу, где мне пришлось встретиться с травлей лицом к лицу. Хотя я и не сильно отличаюсь от здешних славянок.

У меня рыжие волосы и зеленые глаза. Кожа тоже светлая. Разве что имя выдает во мне кавказскую национальность.

Мусаева Элина Ибрагимовна.

Преподаватели видели мою внешность, затем смотрели в журнал, читали фамилию и удивленно поднимали брови.

Столько лет я доказываю своему русскому окружению,

что на Кавказе не только черноволосые и темнокожие. Например, на моей родине истинные корни – это светлые, даже рыжие как у меня волосы и голубые глаза.

Я выросла, самостоятельно решая, как пройдет мой день завтра. После школы отучилась на филолога, но настоящей страстью стали танцы. Наши народные.

С пятнадцати лет танцую. Сначала подалась на обучающие курсы, затем смогла найти место в ансамбле. Мы ездили по всей России на гастроли. Исполняли разные кавказские танцы, с нами еще выступали начинающие артисты, в общем... было весело.

Сейчас мне двадцать три. В Москве я только открыла собственную школу танцев, только набрала первый поток маленьких деток, как в моей жизни произошла катастрофа.

– Тебе пора завести свою семью, Элина, – бросил мне дядя в первый же день, как я сошла с самолета, чтобы увидеть их.

Я летала на Кавказ каждые полгода. Обычно на неделю-две. Виделась со всеми родственниками, детишкам приносила подарки. Меня так-то все очень любят. Кроме жены дяди.

Зара сидела рядом с мужем в гостинной, когда после теплого обеда, дядя решил серьезно поговорить со мной.

– Дядя..., – я прекрасно понимала, о чем он. – Если позволите, я бы...

– Ты больше не вернешься в Москву.

Эти слова ударили по мне, так словно я вернулась в тот

траурный день.

– Что значит не вернуться, дядя? Почему? – Зара тут же шикнула на меня, намекая, чтобы поубавила свой тон.

– Твоя тетя дала тебе хорошее образование, но кое в чем она совершила промах.

Опускаю голову, разглядывая свои босые ступни с нежно-розовым педикюром. Не думаю, что дядя это заметил с его-то старческим зрением. А вот с рук лак я еще в столице стерла.

– И где же она ошиблась? – все-таки не сдержалась я.

Дядя шумно выдыхает, будто готовится к войне.

Он стоит ко мне спиной, сцепив руки в замок и смотрит в большое окно ведущее во двор, где его невестка укладывает спать малыша в коляске.

– Она дала тебе слишком много свободы. Так не годится. Айна сама не вышла замуж и тебя по той же дороге ведет.

– Но это не так! Я просто еще не нашла приличного...

– А ну, молчать! – поднимает голос Зара, сверля меня своими черными как у орла зоркими глазами. – Ишь какая! И не стыдно перед старшими о таких вещах говорить.

Я покорно прикусываю язык. Молчу. Посмотрим, что дядя дальше скажет.

– Тебе нужно вернуться к своим истокам. В конце концов, твоя тетя тоже когда-нибудь вернется на Родину. Не всегда же ей жить в Москве.

Липкое чувство страха сковывает позвоночник.

Кажется, я начинаю понимать, что будет дальше...

– В столицу ты не вернешься. И не заикайся, – припечатывает дядя, а я вдруг замечаю, что впервые после похорон родителей, плачу.

Снова плачу от страха. От одиночества. От безысходности.

– Будешь жить у меня. Если хочешь, найдешь здесь работу, я не против, но о Москве – ни слова. Когда настанет время, с моего благословения выйдешь замуж. Всё!

Разговор окончен?

Но как же моя школа? Как же моя мечта? А танцы?

Я – всего лишь сирота. Груз на плечах дяди. Лишний рот, который ненавидит его жена.

Я не смогла защитить себя, потому что я девушка. У меня не хватило бы ни сил, ни возможностей противостоять. Он бы просто выгнал меня и куда я тогда?

Но самый настоящий кошмар ждал меня впереди.

Глава 2

Неделя пролетела незаметно. И вот, наконец, из Москвы прилетела тетя – единственный человек, который всегда видел во мне не просто девушку на выданье, а личность.

Она привезла мои вещи и с порога сильно поругалась с дядей.

Ругань была страшная.

Зара как обычно обвиняла меня во всех грехах. Я была

благодарна тете, но не хотела, чтобы из-за меня она ссорилась с родным братом.

– Ты хоть понимаешь, что загубил ее будущее?! – ее голос звенел, как разбитое стекло. – У нее был контракт в столичном театре! Талант! А ты что сделал? Просто решил поставить галочку: «пристроил племянницу»?

Дядя молча сидел в кресле, а Зара стояла, скрестив руки, с презрительной усмешкой:

– Ее главный талант – удачно выйти замуж и родить побольше детей. И тебе, сестра, неплохо бы об этом задумать-ся, а не по Москвам шлаться.

Тетя вспыхнула, но... сдалась. Как и я.

Она – черная овца в семье. Незамужняя. Слишком самостоятельная. Поэтому, хоть и рвалась защитить меня, ее слова здесь ничего не решали. В последнюю ночь мы молча сидели на кровати, и она гладила мои волосы, словно я все еще маленькая.

– Прости... – прошептала она.

Но винить ее было не в чем.

Поэтому с горькими слезами, приняв свою новую реальность, я начала искать работу. Первый месяц я просто танцевала в государственном ансамбле, куда меня сначала не хотели брать, но связи дяди все решили.

С одной стороны, это был его подарок.

А с другой, именно там и начался мой самый страшный кошмар по имени Анзор Сайдулаев.

Помимо прочих выступлений, я снова решилась взяться за преподавание. Пусть я и не дипломированный специалист, ко мне стоит приличная очередь. Потому что я не беру деньги.

Танцы – моя страсть. Дохода от гос.ансамбля мне хватает, чтобы обеспечивать себя всякими мелочами. Дядя меня кормит, так что нужды в деньгах нет. Чисто для себя. Чтобы не оставаться в четырех стенах и не сойти сума от новой жизни.

И родители, конечно, не упустят возможность записать ребенка на бесплатный кружок.

Мне нехотя выделили небольшой зал на вечернее время. После работы меня иногда забирает мой двоюродный брат Расул, иногда я сама доезжаю на общественном транспорте. Но что-то не нравится мне как на меня Зара косится в последнее время.

Она стала следить за мной. Все более придирчиво.

Ее взгляд полз по спине, тяжелый, как нож. Она вдруг начала учить меня правильно подметать, правильно готовить, правильно складывать вещи.

Будто готовила к чему-то.

И самое страшное – я догадывалась к чему.

А со своей единственной дочурки все пылинки сдувает. К снохе она тоже неровно дышит. Та вечно как белка в колесе с беременным животом и годовалым ребенком на руках. Никакой женской солидарности.

Так и сложились мои будни на Кавказе:

Утром пробежка верх и вниз по улице, пока все дома еще спят.

Днем репетиции в ансамбле, где коллеги встречали меня холодными взглядами. Я ведь «московская выскочка».

А вечером – преподавание, где я отдавала всю душу детям, чтобы хоть ненадолго забыть о своей новой реальности.

Но в тот роковой вечер все изменилось.

На одном из праздничных мероприятий меня и заметил Анзор Сайдулаев.

Наш ансамбль подготовил шикарный концерт ко дню матери. Грандиозное двухчасовое выступление, на которое собрались все министерства и другие органы гос. управления, помимо обычных зрителей.

Поскольку меня здесь по блату особо не жалуют, я должна была выступить лишь раз. Но зато какой!

Мне дали соло танец с партнером из нашего ансамбля.

Мои рыжие волосы были заплетены в две блестящие косы, с макушки спускалась полупрозрачная шаль и конечно же, настоящее платье горянки с серебряным поясом и нагрудником.

Я не смотрела в зал. Все равно лиц нормально не видно из-за яркого сценического освещения, но, когда закончился концерт, мне ожидал приятный сюрприз.

За кулисами ко мне протиснулся юный администратор, краснея до корней волос:

– Элина... вам... это... – он протянул огромный букет белых роз, каждую почти размером с блюдо.

– Кто? – я уткнулась носом в шелковистые лепестки, вдыхая опьяняющий аромат и еще не подозревая, в какой капкан скоро попаду.

– Не сказали... – парень заерзал. – Просили передать, что ваш танец был «как утренний воздух в горах».

Я рассмеялась. Поэтично. Местные мужчины, при желании, умеют очень красиво ухаживать.

Но самое худшее – я не знала, что этот букет был не комплиментом.

Это была отметка.

Как клеймо.

Как выстрел, предваряющий охоту.

Дома Зара увидела цветы и замерла в удивлении.

– Кто... – ее голос таинственно дрогнул.

Я пожала плечами, еще не понимая.

– Красивые, правда?

Она резко развернулась и вышла, но не раньше, чем я заметила зависть в ее глазах.

Глава 3

После того концерта прошла неделя. Все вернулись в рабочий график.

Обычный день. Обычная репетиция.

В зале уже никого нет, все разъехались по домам. Я одна

остаюсь танцевать под негромкую музыку, которую включила на телефоне и положила на край сцены, чтобы ненароком не наступить.

Отдаюсь такту мелодии, танцую прикрыв глаза. Музыка уносит меня в свой безопасный мир. Все страхи и тревоги уходят, когда я надеваю чешки и танцую.

Плавню завершаю круг, чувствуя, как музыка с каждой секундой утихает.

И вдруг.

Рукоплескания.

Звонкие, эхом разносящиеся по всему пустому залу.

Я медленно открываю глаза и вижу на первом ряду среди бархатных кресел мужчину. Он хлопает.

И судя по тому, как он вальяжно сидит в этом кресле с какой-то наглой и довольной ухмылкой, смотрит на меня, стоящую на сцене, хлопает он МНЕ.

Мужчина резко поднимается с места и я тут же инстинктивно пячусь назад, хотя сцена довольно большая.

Незнакомец одет в черную спецовку, очень похожую на ту, что здесь носят военные. Здешняя армия вообще носит бороду и скажу, что парни выглядят очень даже... горячо.

Мужчина тем временем пока я его разглядываю, поднимается по ступенькам. Боже, он идет сюда! На меня!

Темные глаза, будто высеченные из горного камня – горячие, пронзительные, не оставляющие места для сомнений. В них читается привычка командовать, привычка, чтобы перед

ним всегда расступались.

Он высокий. Не просто высокий, а доминирующий, будто его рост сам по себе оружие. Тёте бы понравился.

Плечи широкие, мощные, под черной спецовкой угадывается рельеф мышц – не качок из спортзала, а сила, закаленная в боях.

Борода густая, черная, как смоль, аккуратно подстриженная, но не выхоленная до блеска. Это не модный стиль, а символ, традиция, наследие. Она добавляет ему возраста, но не старости, а скорее, авторитета.

Шаги его тяжелые, уверенные, словно он не просто идет по ступенькам, а утверждает свое право быть здесь. Каждый шаг как удар сердца. Размеренный, мощный, не терпящий суеты.

Когда он приближается, воздух вокруг будто сгущается. От него пахнет кожей, оружием и чем-то неуловимо горным – свежестью ветра.

И самое главное – взгляд.

Он смотрит на меня так, будто уже прочитал до последней строчки. Будто знает, что я подумала, прежде чем я сама это осознала.

И теперь он здесь.

Прямо передо мной.

И я понимаю, что отступать некуда.

– Великолепно.

Его голос бархатный, густой, будто дым от костра, пропи-

танный влажным горным воздухом. В нем нет спешки, только неоспоримая уверенность, как будто каждое слово приказ, который ты захочешь выполнить, даже если он прозвучал шепотом.

Великолепно.

Этим, одним словом, он будто забирает все пространство вокруг себя.

Я замираю.

Он стоит прямо передо мной. Слишком близко. Слишком реально. Его тень накрывает меня целиком, и я чувствую, как по спине пробегает холодная искра.

– Кхм... вы пришли... записаться на кружок? – мой голос звучит неестественно высоко, словно я вдруг превратилась в испуганного подростка.

Ошибка.

Внутри я яростно кусаю себя за щеку. ***Какого черта, Элина?!***

Бородатый не меняется в лице, только чуть приподнимает один уголок рта. Это даже не улыбка, скорее, усмешка хищника, который только что понял, что добыча глупее, чем он предполагал.

– Я имела в виду... про детский кружок танцев, – бормочу я, отчаянно пытаюсь спасти ситуацию.

Его глаза темные, как ночь в горах, медленно скользят по мне, изучая.

– Детский кружок? – он повторяет мои слова так, будто я

только что предложила ему записаться в группу по вязанию.

Я чувствую, как горю от неловкости.

Но он не уходит.

Не смеется.

Просто смотрит.

И я понимаю – он не просто так здесь.

– Ты красиво танцуешь.

– С-спасибо.

Нечто странное, похожее на страх, душит меня. Что-то беспокойно мечется в груди, обжигая стенки.

– Если вы не ко мне, то я уже пойду. Детишки скоро придут.

Улыбаюсь нервно, бубню под нос и разворачиваюсь. Почти бегом ухожу за кулисы.

Но когда я хлопаю дверь, оказываясь в узком коридоре под сценой, сзади снова раздается мужской голос:

– Вообще-то, я пришел к тебе.

Резко останавливаюсь.

В здании сейчас вряд ли кто-то есть. Весь коллектив уже разошелся, даже уборщицы закончили работу. Только дежурная охрана на входе и этот бородач в военной форме, который преследует меня с момента выхода за кулисы.

Чего ж он прицепился ко мне?

– Тебе понравились цветы?

Его слова ударили, как пощечина. Белые розы. Те самые, огромные, с лепестками, как шелк. Я сжимаю руки, радуясь,

что стою к нему спиной и он не видит шока на моем лице.

Спокойно, Элина. Держи себя в руках.

– Вы о чем? – спокойно спрашиваю я, разворачиваясь к нему. Некрасиво все-таки с мужчиной со спины разговаривать. – Я выступаю на концертах. Многие дарят мне цветы.

Говорю это и невинно улыбаюсь, а грозное лицо мужчины становится еще мрачнее. В его глазах промелькнула тень. Губы сжались в тонкую полоску, а между бровей залегла глубокая складка.

Что я такого сказала?

Он делает медленные шаги, заставляя меня трусливо вжаться в стену. Коридор всего два метра в ширину. Предназначен для артистов, поднимающихся на сцену. А этот огромный бугай заполнил собой все пространство.

Чувствую холод стены спиной, сглатываю слюну, смотрю исподлобья, как его ноздри хищно раздуваются, как он стискивает челюсть, когда говорит:

– Кто еще дарил тебе цветы?

Вопрос прозвучал тихо, но с такой железной интонацией, что у меня перехватило дыхание. Почему-то язык сам выдал ответ:

– Ну, разные... зрители.

Идиотка! Зачем я это сказала?

Вот почему я не могу просто промолчать? Голос этого мужчины просто заставляет меня отвечать ему!

Я попыталась взять ситуацию в свои руки, гордо вскинув

подбородок:

– А вообще, знаете что?

Он слегка приподнял бровь – единственная реакция на мою внезапную смелость.

– Я не обязана перед вами отчитываться. Вы мне никто! Так что, до свидания. Ой, не так. Прощайте!

Я резко развернулась, собираясь уйти, но не успела сделать и шага.

Хлоп!

Его ладонь ударила в стену в сантиметре от моего лица, перекрывая путь. Я невольно вжалась спиной в шершавую поверхность, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в горле.

Дыхание мужчины обожгло мою кожу.

Густой, насыщенный аромат вероятно, дорогого парфюма с нотками чего-то теплого.

Под ним угадывается едва уловимая железная нотка, возможно, порох или холодное оружие.

Этот запах вызывает странную реакцию: колени предательски ослабели, а в животе закрутился тугой узел из страха и... чего-то еще, чего я не хочу признавать.

Мы стоим так близко, что мои глаза, против моей воли, скользят по его чертам, отмечая опасную привлекательность.

Губынеожиданно мягкого контура, но сейчас сжатые в жесткую линию, будто готовые в любой момент обнажить белые зубы в усмешке.

Шея мощная, с напряженным биением пульса под кожей.

Но больше всего цепляет взгляд. Темные глаза, будто выжженные солнцем долины, с золотистыми искрами вокруг зрачков. Они изучают меня так, словно я была добычей, собственностью.

А еще я замечаю едва заметную сеть морщинок у глаз (значит, все-таки улыбается иногда?) и один седой волос среди черных у виска.

Эти несовершенства почему-то делают его еще более... настоящим. Опасным. Мужчиной, а не просто формой с погонами.

Глава 4

Шок парализует меня на долю секунды.

Его ладонь пригвождает меня к стене, и я чувствую тепло от огромной мужской руки, висящей в воздухе всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

Да, что он себе позволяет?!

Этот наглый бородач перешел все допустимые грани.

Я резко поворачиваюсь, чтобы в ярости высказать ему все, но прежде, чем успеваю открыть рот, его вторая ладонь с глухим стуком ударяет в стену с другой стороны.

Я полностью в ловушке. Зажата между двумя его бесстыдными руками, и вынуждена поднять голову, чтобы встретиться с его взглядом.

И, о Боже...

Его карие глаза горят.

Не просто смотрят, а пожирают меня.

Они скользят по моему лицу с голодной медлительностью, задерживаясь на каждой детали: на дрожащих от страха ресницах, на легком румянце, проступившем на щеках, на слишком учащенном дыхании, из-за которого моя грудь предательски поднимается и опускается.

Я сглатываю.

Сердце бьется так громко, что мне кажется, оно не выдержит такой нагрузки.

Он медленно поднимает взгляд к моим волосам, затем так же медленно опускает его ниже... ниже... пока его глаза не останавливаются на моих губах.

Неприятно, тревожно, стыдно.

В животе скручивает от паники и неправильности происходящего. Мир вокруг померк, оставив лишь его взгляд – неприличный, настолько откровенный, что по коже бегут мурашки.

– Вблизи еще прекраснее, – шепчет он хриплым, обжигающим голосом, словно прикосновение по обнаженным нервам.

Моя нижняя губа дрожит, когда я пытаюсь ответить.

– Ч-что в-вы делаете? Отойдите!

Звучит жалко. Слабо.

Он скалится – один уголок рта приподнимается в усмешке и... мужчина наклоняется ближе.

Боже.

Наше дыхание сливается.

Нет. Нет. Нет.

Это неправильно.

Это запрещено.

Но как мне выбраться?!

Он стоит ко мне так плотно, что еще чуть-чуть и мы невольно коснемся друг друга.

А его глаза...

Безумные.

Пылающие.

Полные каких-то темных, немыслимых намерений.

Его губы приоткрываются, и я в панике, предчувствуя нечто совершенно недопустимое и грешное, резко пинаю его между ног.

– Гх! – он мгновенно сгибается, хватаясь за пах.

Этого момента хватает, чтобы вырваться.

Я бегу по коридору, не оглядываясь, чувствуя на спине его горящий взгляд.

Моя сумка осталась в кабинете, но плевать. Пусть горит там вместе со всем ансамблем.

Телефон при мне и это единственное, что имеет значение.

Я мчусь по коридору, ноги подкашиваются, но страх гонит вперед. Охранник изумленно смотрит на меня, а я молюсь, чтобы не было погони.

Выскакиваю на улицу, спешу в сторону остановки, подме-

чая между рядов парковки одиноко стоящий черный внедорожник. С тонировкой и спецномерах – теми самыми, которые нельзя спутать.

Военные.

Его.

Я резко отворачиваюсь и бегу к остановке, на ходу лихорадочно соображая. Может стоит позвонить Расулу? Хотя он работает и вряд ли сейчас сможет меня забрать.

Я быстро пишу в чате с родителями детей, что сегодняшнее занятие отменяется. Детишки, конечно, расстроятся, но меня сейчас беспокоит моя безопасность.

Где это видано, чтобы на Кавказе мужчина вот так преследовал девушку?!

В нашем краю за такое можно получить пулю в лоб – от брата, от дяди, от любого, кто посчитает это оскорблением чести.

Но этот... этот бородатый ведет себя так, будто ему все дозволено.

Я быстро сажусь в подъехавший автобус и отправляюсь домой.

Рассказать о случившемся не могу. Жена дяди все вывернет так, что меня накажут и посадят на цепь. А работа в ансамбле – моя единственная радость в этой серой жизни.

Пытаюсь успокоиться, но из окна вижу похожий черный внедорожник, что стоял на парковке.

Да нет же...

И номера те же.

Боже. Это должно быть он!

Он едет за нами, сохраняя дистанцию, но не отставая.

Я закусываю губу, прячу лицо в ладони, но мои рыжие волосы как маяк в темноте.

Черт.

Черт.

ЧЕРТ.

Он точно ненормальный! Что ему от меня нужно?

Я выскакиваю раньше своей остановки, пусть думает, что живу здесь.

Иду быстрым шагом, не оборачиваясь, но кожа спины горит. Он следит.

Я резко ловлю первое проезжающее такси:

– Район стадиона, пожалуйста!

Из окна вижу, как тот внедорожник плавно перестраивается, продолжая погоню.

Из такси я выхожу за два квартала до дома, делаю крюк через улицы, пролезаю через дыру в заборе.

Сердце колотится.

Почти... почти...

И вот – родные ворота.

Глава 5

Я бросаю один осторожный взгляд через плечо, подтверждая свою догадку.

Это он.

Стоит в пятидесяти метрах, мотор работает почти бесшумно.

И теперь этот наглец знает где я живу.

Я вбегаю во двор, прислоняюсь к двери.

Что ему от меня нужно?!

Из окна кухни доносится голос Зары – она что-то кричит своей снохе. Если она увидит...

Я бегу в свою комнату, которая как раз ведет на улицу. Подкрадываюсь к окну, чуть раздвигаю штору. Машина все еще там. Он даже не скрывается.

Даже сквозь толстые стены я чувствую его взгляд – тяжелый, как свинец.

Сидит в том же внедорожнике с затемненными стеклами.

Ждет.

Смотрит.

А если соседи заметят? Но с чего им сразу на меня пальцем указывать?

Просто уезжай! Исчезни, пока домашние не заметили.

Включаю свет на кухне, ставлю чайник. Руки дрожат от злости или страха, сама не пойму.

– Идиот, – шепчу себе под нос, и от эмоций неаккуратно громко звеню посудой.

Перед родственниками я делаю вид будто ничего не было. Спокойно занимаюсь бытовыми делами, репетирую у себя напротив зеркала, а в мыслях полная каша!

Занятия на ближайшие дни с детьми пришлось отменить, и я даже приврала на работе, что слегка приболела, за что получила гневное сообщение от хореографа:

«Завтра в восемь утра будь в резиденции. Бахрейнцы приезжают к десяти. Не опаздывай.»

Отвечаю коротко: *«Будет сделано.»*

В республику должна приехать иностранная делегация из Бахрейна, и мы будем выступать перед гостями в резиденции. Так что времени раскисать нет!

Чешки в руки и вперед.

Раскладываю коврик, включаю музыку – народные ритмы для завтрашнего выступления.

– Раз-два-три... – шепчу, повторяя движения перед зеркалом.

Но вместо отражения вижу его – эти темные глаза, усмешку, будто он уже здесь, за моей спиной.

Ночью я ворочаюсь в постели. В доме уже давно все спят, только летний ветер шевелит занавеску за окном.

Горло сжимается от нервного комка, даже после того, как я убежала от него, тело все еще дрожит. Завтра ответственное выступление в резиденции, а я не могу уснуть, потому что перед глазами стоит его темный взгляд, полный...

Нет, не надо об этом.

Переворачиваюсь на другой бок, уткнувшись лицом в подушку. Нужно хотя бы пару часов сна, иначе завтра...

Тонкий звон разрывает ночную тишину. Телефон на тум-

бочке мигает синим светом. Время показывает 22:47.

Кто это может быть в такой час? Руководитель? Хореограф? Я машинально потянулась к телефону. Может, что-то связанное с завтрашним выступлением?

– Алло? – мой голос прозвучал хрипло.

Тишина на том конце провода. Только ровное дыхание.

– Кто это? – уже резче спрашиваю я, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

– Анзор. Не вешай.

Ледяная волна прокатилась по телу. Я сажусь на кровати, инстинктивно прижав телефон к груди, будто он мог меня услышать.

Голос.

Тот самый.

– Как вы... Откуда у вас мой но...

– Т-с-с.

Его голос звучит мягко, почти ласково, но от этого становится только страшнее.

– У тебя чудесный голос. Но ты боишься. Я слышу это по твоему дыханию.

– Вы... вы не можете просто взять и... – начала я, но меня прерывают.

– Могу.

Сердце бешено заколотилось. Мне страшно, что какой-то посторонний человек проследил за мной и теперь знает не только, где я живу, но и номер моего телефона.

Я только в себя пришла, как все снова повторяется.

– Ты испугалась сегодня. Не так я себе представлял нашу первую встречу, но...

Мужчина говорит еще что-то, а у меня брови на лоб ползут. Он?! Представлял?!

– Ты думаешь, это случайность? – хриплый смешок. – Я наблюдал за тобой.

Мир перевернулся.

Наблюдал.

– Каждый твой танец. Каждая улыбка. И сегодня..., – пауза. – Ты пихнула меня.

Я молчу, не знаю, что сказать. Хочу просто отключить звонок, но телефон прилип к моей мокрой ладони.

Потом шепот, от которого по телу бегут мурашки:

– У тебя есть выбор, Элина.

Я замерла. Он знает мое имя. Боже, ситуация становится не просто странной, но очень опасной...

– Завтра у меня важная работа, – пауза. – После обеда я свободен. Мы встретимся и спокойно поговорим.

Он специально замолчал, будто давая мне додумать самой.

– А если я не соглашусь? Вы опять будете преследовать меня? – вырвалось у меня.

На другом конце провода раздался глубокий, теплый смех.

– Нет. Если ты не придешь, я найду тебя позже. Но ты

будешь жалеть, что не послушалась сразу.

Он угрожает мне.

Телефон вдруг показался раскаленным в моей руке.

– Спи, Элина. – его слова прозвучали неожиданно мягко.
– Завтра я снова увижу твои изумрудные глаза. Считай это свиданием.

Щелчок. Звонок прервался.

Я сижу, уставившись в темноту, все еще сжимая в руке телефон.

До выступления осталось одиннадцать часов.

Глава 6

Утро в резиденции.

Золотистый свет сказочно больших люстр мягко струится по мраморным колоннам, отражаясь в массивных зеркалах в позолоченных рамах.

Тяжелые портьеры с золотой вышивкой в национальном стиле едва колышутся от работы кондиционеров. В воздухе витает пряный аромат восточных благовоний – смесь амбры, розы и чего-то неуловимо дорогого.

Все здесь дышит роскошью и дипломатической холодностью.

Я стою за кулисами, поправляю шелковый наряд, проверяю прическу из традиционных двух косичек. Через узкую щель в бархатной драпировке я вижу, как рассаживаются гости.

Бахрейнская делегация из мужчин в белоснежных кандурах и с повязками на головах, их лица выражают вежливую сдержанность.

Наши местные чиновники в строгих костюмах, но уже с расслабленными улыбками общаются с арабами через переводчика.

И официанты в белых перчатках, разносят крошечные фарфоровые чашечки с кофе, серебряные подносы с финиками и другими лакомствами.

Наше выступление всего лишь верхний слой пирога. После, они уйдут в переговорную и там будет по-другому.

Рядом со мной притаились еще несколько девочек. Интересно же посмотреть на настоящих арабов.

Взгляд скользит по длинному столу с дорогими угощениями, едва не подбираю слюну и...

И вдруг... **он.**

Тот мужчина...

В темно-синем парадном мундире с золотыми галунами, который идеально облегает его широкие плечи и мощную грудь. Черная борода, аккуратно подстриженная, оттеняет скулы, а на груди ряд боевых наград, блестят под светом люстр, рассказывая без слов историю, которую я не хочу знать.

Эта форма, та дорогая машина, на которой рядовой военный не ездит и спец.номера... Кто же ты такой, бородатый незнакомец?

Он сидит прямо, как будто даже в этом изысканном зале он – единственный настоящий воин среди дипломатов.

И в этот момент его взгляд жгучих карих глаз скользит к сцене.

Мгновение узнавания.

Я замираю на месте, как заколдованная смотрю открыто ему в глаза.

Сначала на его лице промелькнуло удивление: брови чуть приподнялись, губы едва разомкнулись. Будто он действительно не ожидал увидеть меня здесь.

Потом появилась усмешка – та самая, хищная и довольная, словно говорившая «*вот ты где!*».

Но затем...

Его лицо резко потемнело. Буквально за секунду, как если бы произошло что-то плохое.

Губы сжались в тонкую ниточку, пальцы впились в хрустальный бокал так, что костяшки побелели. Взгляд стал тяжелым, будто налитым свинцом.

Я инстинктивно отпрянула от занавеса, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

Мне не пережить этот день. Как назло, я вынуждена танцевать перед этим человеком!

– Кто... кто этот мужчина? – прошептала я девушке из ансамбля, стоящей рядом.

Та бросает беглый взгляд, недовольная, что пришлось оторваться от телефона и закатывает глаза:

– Ты шутишь? Это же Сайдулаев. Полковник МВД.

– П-полковник? – мой голос предательски дрогнул, а глаза в ужасе расширились. – Но... почему он здесь?..

– Да что с тобой? – раздражается она. – Для безопасности делегации. Очевидно же!

Полковник МВД. ОН?

Да он вообще по возрасту не дотягивает до такого офицерского звания!

– Но знаешь, – коллега понижает голос до секретного шепота, – говорят, у него арабские корни. Может специально привлекают к таким переговорам?

– Да ну!

Я фыркаю, но не смогла удержаться и снова прильнула к тяжелой бархатной драпировке, разглядывая мужчину.

Он все еще смотрит на сцену. Точнее сквозь занавес. Прямо на меня.

Из него араб, как из меня альпинист.

Ну, вылитая кавказская внешность же! Его скульптурные черты будто высечены ветрами горных ущелий.

В зале царит размеренная атмосфера. Бахрейнские делегаты переговариваются на мелодичном арабском, их пальцы с золотыми перстнями неторопливо вращают фарфоровые чашечки.

И вдруг – резкое движение.

Сайдулаев встает.

Его парадный мундир сидит на нем, как вторая кожа,

подчеркивая мощную статью, однако сейчас в его движениях нет прежней уверенности. Только жесткая, сдерживаемая ярость. Он что-то резко бросает сидящему рядом чиновнику и направляется к сцене.

Каждый его шаг отдается в моей груди глухим стуком.

Я отхожу от занавеса, прижав ладонь к горлу, где пульс бешено колотится. В ушах зазвенело.

Глава 7

– Элина.

Прозвучало низко, но так отчетливо, что шепоток девочек за кулисами мгновенно стих.

Я замерла.

Это... его голос.

– Выходи.

Это не выглядит как приглашение. Больше звучит как приговор.

Руководитель ансамбля, бледная как мел, неуверенно кивает мне. Ее глаза словно говорят: «Не перечь, дурочка».

Я делаю шаг вперед, чувствуя, как десятки глаз коллег прожигают мою спину.

Сайдулаев стоит перед небольшой лестницей для артистов. Его поза – образец военной выправки, но в карих глазах бушует ураган. Мои ноги предательски задрожали.

– Что вы...

– Ты не будешь танцевать сегодня.

Просто. Четко. Без права на возражение.

Я даже не успела задать свой вопрос, как он грубо перебил меня.

Горячая волна возмущения поднимается в груди. Я распрямляю спину, чувствуя, как рыжие косы (мой бунтарский знак!) рассыпаются по плечам.

– Вы себя слышите?! Это моя работа.

Шепчу я, стараясь, чтобы меня не услышали посторонние, но в моем голосе все равно проскальзывают нотки злости.

– Я должна выступить.

Сайдулаев делает шаг ближе. Теперь между нами осталось лишь несколько сантиметров. Я оглядываюсь на всякий случай, чтобы никто не видел. Нельзя стоять так близко с посторонним мужчиной.

– ТЫ. НЕ БУДЕШЬ. ТАНЦЕВАТЬ. ПЕРЕД НИМИ.

Его голос тихий, рычащий, и каждое слово обжигает, как раскаленный металл.

Я вижу, как его пальцы сжались в кулаки, как напряглись мышцы челюсти. В его взгляде читается нечто большее, чем просто гнев.

Что-то горячее, дикое, неконтролируемое.

Я не понимаю, откуда взялась его ярость, но не могу не ответить на вызов.

– А что, полковник, вам не нравятся мои танцы? Помнится, в прошлый раз вы мне даже хлопали, – я намеренно делаю голос чуть слаще, чуть дерзче.

Мужчина наклоняется смертельно близко, что мне приходится резко отпрянуть назад.

– Если я увижу тебя на этой сцене, – шипит он, глубоко дыша. – пеняй на себя.

Затем выпрямляется, бросает на меня последний взгляд – предупреждение, обещание, угрозу и развернувшись, уходит обратно к столу.

В воздухе повисло нечто большее, чем угроза. Кем он себя возомнил? Я не понимаю.

Да, полковник. Хорошо.

Но я тут причем? Ему не понравилось, что я в тот раз дала ногой в пах?

Так сам виноват! Нечего было меня пугать.

Я же не дура. Видно было, что он не с хорошими намерениями за мной в коридор побежал под сценой. А его слежка на машине после и телефонный звонок ночью?

Подношу дрожащие и холодные от волнения пальцы к вискам. Головная боль сжимает череп.

Нет. Сайдулаев явно ненормальный.

Сумасшедший. Контуженный. Маньяк.

Поднимаюсь за кулисы, чувствуя, как дрожь пробегает по всему телу. Коллеги перешептываются за моей спиной, но их голоса сливаются в неразборчивый гул.

Я должна решить.

Подчиниться.

Или бросить вызов.

Глава 8

Где-то в толпе его глаза горят первобытной яростью, игнорировать которую смертельно опасно.

Зал резиденции замер в предвкушении. Гости из Бахрейна в белоснежных кандурах переговариваются на мягком арабском, бокалы с шафрановым кофе застыли в их руках.

Оркестр настроил инструменты, вот-вот должны ударить первые аккорды.

Мы стоим на построении, мои руки расставлены, как положено, но у меня не получается унять нервную дрожь.

Анзор Сайдулаев здесь.

Его место в первом ряду как почетного гостя, как куратора безопасности.

Барабаны забили ритм. Выход.

Грянула музыка – томная, чувственная, зовущая в пляс.

Я выхожу вслед за остальными под всплеск аплодисментов гостей. Шелк моего костюма взметнулся, когда я сделала первый поворот. Пусть смотрит.

Я танцую не для них.

Я танцую против *него*.

Сначала мои движения осторожные – легкие шаги, волнообразные взмахи рук, но постепенно музыка захватила меня, тело вспомнило каждую отточенную на репетициях позу.

Шелк юбки взмывает вверх, обнажая лодыжки. Подвеска на поясе звенит в такт.

Зал затаил дыхание.

Делегаты застыли с чашечками кофе в руках и кажется, забыли о степенности. Их глаза жадно ловят каждый изгиб наших тел.

Чиновники перестали перешептываться. Даже охранники у дверей забыли о бдительности.

Но где-то один взгляд жжет меня, как раскалённое железо. Анзор.

Он не аплодирует. Не шепчется заворуженно с соседями, как другие. Просто сидит в кресле, упрямо сжав подлокотники.

Мне даже отсюда хорошо видно, как его челюсть напряжена, а в глазах пылает пламя.

Последние ноты музыки растворяются в воздухе, оставляя после себя лишь легкое эхо. Я замираю в финальной позе – руки изящно изогнуты на уровне талии, подбородок гордо поднят, грудь вздымается от учащенного дыхания.

Зал взрывается аплодисментами.

Делегаты из Бахрейна встают, восхищенно переговариваясь между собой на певучем арабском. Один из них даже сделал шаг вперед, но организаторы вежливо остановили его – протокол, этикет.

Я улыбаюсь, делаю легкий поклон головой, ловлю восторженные взгляды...

Но все мое существо приковано к нему.

К тому, кто просто сидит в своем кресле, откинувшись

назад, будто бы расслабленный. Но его взгляд...

Он прожигает насквозь.

Темные глаза, горячие и бездонные, словно горное озеро в полночь.

Как только затихли последние аккорды, я побежала за сцену, переоделась дрожащими руками, слушая в пол уха щебетания девочек. Попрощалась с ошеломленными коллегами, заявив, что не останусь на фуршет и выбежала из зала.

Хлопнув тяжёлой дверью служебного выхода, я вдохнула теплый летний воздух.

Но глухой рёв мотора прорезал тишину. В пяти метрах от меня, как призрак, стоит тот черный внедорожник.

Я делаю шаг назад к двери, однако поздно.

Анзор.

Он стоит, непринужденно прислонившись к капоту, в расстегнутой парадной форме. Долгая пауза, за которую Сайдулаев достает серебряный портсигар из внутреннего кармана.

Прекрасно! Ко всему прочему он еще курит!

– Вы опять поджидаете меня, как бандит?

Анзор лениво шагает вперед, лицо напряжено, в глазах холодный блеск.

– Ты специально вышла. Специально танцевала перед нами. После моего запрета.

Он достает сигарету, закуривает. Дым стелется между нами серой пеленой.

Я недовольно скрещиваю руки на груди и носом в придачу

ворочу. Пусть знает, что мне неприятно.

– Я артистка. Мое дело – танцевать, где скажут. А ваше – стоять у стенки и охранять.

Его рука с сигаретой замирает. Уголок глаза дергается. Анзор медленно выпускает дым.

– Не перегибай, девочка. Ты видела, как они смотрели? А этот старый козел в белом? Его глаза...

– А ваши глаза, полковник, сегодня тоже не отрывались от сцены! М?

Он резко тушит сигарету об капот и бросает на землю. Сайдулаев благо не подходит ко мне, продолжает стоять у своей машины.

– Я защищаю то, что уже считаю своим.

Тихо, но с металлом в голосе.

– Вчера я обещал свидание. Как и условились встретимся в два часа. Уже видела тот новый грузинский ресторан? Стоит попробовать.

– Я ничья! И не приду в ваш проклятый ресторан!

Он утверждает, словно говорит о чем-то банальном, как будто это в порядке вещей. Но, кажется, полковника мало волнуют мои возмущения. Даже до уха не долетают.

– Придешь. В два часа.

Он настолько уверен в себе, что даже не замечает, как я стою здесь, сжав зубы от злости. Сайдулаев отходит, поправляет мундир и бросает последнюю фразу через плечо:

– Платье надень скромное. Не яркое. И волосы убери.

Ненавижу, когда на тебя так смотрят.

Глава 9

Спустя два дня после дерзкого выступления я получаю официальную повестку.

Тяжелый конверт с печатью и гербом падает на стол перед завтраком.

«Мусаевой Э.И. Явиться в отдел МВД...»

Сухой казённый текст, подписанный уполномоченным лицом.

– Упаси Всевышний! Не к добру это! – Зара схватилась за подол платья, ее глаза округлились.

Дядя медленно разворачивает бумагу. Его пальцы оставили влажные отпечатки на бланке.

– Для уточнения данных, – прочел он, ударяя на каждом слове.

Взгляд, брошенный мне, заставил сердце вздрогнуть. Пристальный. Неодобрительный.

– Что ты натворила?

– Ничего!

Мой голос прозвучал на полтона выше обычного. Я машинально поправила платок, чувствуя, как под ним начинают слипаться волосы.

Невестка робко протянула:

– Может, просто формальность? Моего брата тоже...

– Молчи! – Зара шикает на нее, прикрывает рот дрожа-

щими пальцами и театрально вздыхает. – О, Всевышний...
Убереги нас от дурного. Столько лет без позора жили...

И ядовито косится в мою сторону.

– Зара, угомонись! Вместе поедем.

Дядя резко складывает лист вдвое и спустя полчаса: я, дядя, его жена Зара и тридцатилетний сын Расул оказываемся в коридоре МВД.

Нас направляют на верхний этаж, к тяжёлой двери с золотистой табличкой «полковник Сайдулаев А.М.».

Стоп...

Это... то, о чем я думаю?

Хмуро всматриваюсь в табличку, пока другой мужской голос рядом не заставляет меня вздрогнуть.

– Мусаева Элина кто?

Строго спрашивает работник в форменной одежде.

– Я.

Несмело отвечаю и его глаза смеряют меня тяжелым взглядом. Расул рядом защитно выдвигается вперед.

– Заходи.

– Подождите! – дядя хватается меня за запястье, будто хочет уберечь от чего-то страшного.

Но кажись уже поздно...

– Я ее дядя. Опекун. Имею право знать, зачем вызвали племянницу.

– Проверка, – равнодушно пожимает плечами работник.

– Не переживайте. Но зайти может только она.

Дядя не согласен. По его лицу видно. Но я быстро нахожу, чем его успокоить.

– Может, дело в прописке? – шепчу я на ухо, чтобы лишний раз не давать работникам реальный повод докопаться. – Я же переехала!

Лоб дяди немного разглаживается, словно мои слова правда имеют значение.

Я стучусь для вежливости пару раз и захожу, бросив сиrotливый взгляд на родственников.

Внутри – только он.

Сайдулаев сидит за широким столом, его парадный мундир сменился на повседневную форму, но даже без галунов он выглядит опасно.

Перед ним лежит серая папка с едва заметной надписью, но я не успеваю разглядеть, его взгляд приковал меня жестче наручников.

– Закрой дверь.

Говорит он, сверля меня *тем самым* взглядом.

Очередной приказ. Не просьба.

Я толкаю тяжелую дверь, не отрывая от него взгляда.

– Зачем вы вызвали меня?

Голос выдает меня, он звучит чуть выше, чуть неуверенно, чем хотелось бы.

– Не «вызывал». Пригласил, – в его глазах нет ни намёка на прежнюю усмешку. – Хотя могло быть и иначе.

Он откидывается в кресле, пальцы складывает домиком,

глаза нацелены на меня.

– Ты проигнорировала мой приказ.

– Я не ваш солдат, – делаю шаг вперед, стараясь не дрожать. – Я всего лишь выполнила свою работу.

Буду стоять на своем.

– Ты выставила себя перед чужими мужчинами, – его голос становится ниже, но каждое слово унижительно бьет по мне. – Зная, что *я* против.

Сжимаю губы от злости.

– Да кто вы такой, чтобы запрещать мне работать? Не имеете права...

– Я имею все права, – он резко встает, и стол дрогнул от движения.

Сайдулаев обходит его, остановившись в шаге от меня. Я упираюсь бедром в дубовую столешницу, лихорадочно разглядываю нашивки на его одежде, не смея поднять взгляда и сипло так, словно перепуганный заяц, выдаю:

– Я не понимаю. Что вы от меня хотите? Почему преследуете?

Он наклоняется.

Ниже.

Еще ниже.

Губы в нескольких сантиметрах от моего лица, дыхание и мужской запах обжигают кожу.

Его рука поднимается, и я зажмуриваюсь, ожидая хватки, удара...

Но меня правда ударяет разрядом, когда его горячие пальцы скользят по моей шее, поднимаясь к подбородку. Медленно. Будто проверяя, дрожу ли я.

Дрожу. Проклятье, я дрожу. И смотрю на него во все глаза. Я просто в дичайшем шоке.

– Ты проигнорировала не только мой запрет, – шепчет он, а в голосе сталь. – Но и наше свидание.

Я пытаюсь отстраниться, но стол жестко впицается в бедра. Тело настолько сковано страхом, что я даже не до конца осознаю, что МЕНЯ касается чужой мужчина.

Вот так просто. В служебном кабинете. Без свидетелей. Но мозг отказывается осознавать весь ужас происходящего.

– Я... просто танцевала... Пустите...

Мой голос звучит жалко даже для собственных ушей.

– Ты провоцировала!

Он сжимает мой подбородок, стискивает с обеих сторон челюсть, заставляя посмотреть вверх. В его глаза.

– Эти арабы смотрели на тебя, как на добычу.

Я глотаю воздух, дышу часто-часто как загнанный зверек.

– Мне все равно!

Ошибка. Роковая.

Потому что сильные пальцы тут же впицаются в кожу сильнее.

Я всхлипываю. Хватка полковника довольно грубая. Наверное, привык командовать своими солдатами, вот и не рассчитывает силу. И я ни разу не оправдываю его...

– А мне – нет.

Он тянет меня за собой, отрывая от стола. Я спотыкаюсь, голова кружится от его запретной близости, но Сайдулаев ловит меня одной рукой вокруг талии.

Слишком близко.

Нельзя.

Не по-кавказски.

Я потеряю свою честь, если позволю трогать себя так.

– Вот что я хочу, – его голос низкий, густой, как мед с ядом. – Теперь будешь танцевать только с моего разрешения.

– Это... невозможно...

Вряд ли я осознаю происходящее. Я задыхаюсь, чувствуя, как его бедра туго прижимаются к моим, как его руки легко удерживают меня, не прилагая особых усилий.

– Возможно.

Шепчет Сайдулаев, неожиданно нежно проводя костяшками пальцев по моей щеке. Жест, от которого мое тело вздрагивает, как от удара током.

Я прикрываю глаза всего на миг, позволяя себе прочувствовать его прикосновение. Настолько ласковое, шелковое... а потом...

– Потому что иначе твоя карьера закончится. Сегодня. Прямо сейчас.

Резко распахиваю глаза. Снова пытаюсь отстраниться, но полковник фиксирует мою голову, схватив за распущенные волосы на затылке. И в этот раз боли нет.

– Не трогайте меня!

В глазах стоят слезы, когда я бью по твердой груди, но кого они волнуют? У него есть власть. Его слово имеет куда больший вес и если он решит надругаться надо мной...

– А первый танец... ты подаришь мне. Сейчас.

Но почему-то полковник смотрит лишь на мои губы.

Глава 10

Его рука на моей талии обжигает сквозь ткань летнего платья. Я чувствую каждый палец – тяжелый, властный, запретный.

– Отпустите, – мой голос звучит сдавленным, перекошенным. – Вы же унижаете меня, трогая вот так...

Он усмехается, но не убирает руку. Ладонь такая большая, что почти обхватила весь мой бок.

– Ты уже нарушила все правила, выйдя на ту сцену.

Его дыхание невольно смешивается с моим. Горячее, неровное. От него пахнет оружием и чем-то цитрусовым.

– Это наш национальный танец. Я ничего не нарушала...

Мне нужно вырваться из его хватки. Мысли хаотично мечутся.

Если крикну, кто поверит обычной девушке против полковника?

Если толкну, он сломает мне запястье быстрее, чем я успею моргнуть.

– Я... могу заказать вам индивидуальный концерт, – лгу я,

чувствуя, как дрожит нижняя губа, как мой голос становится почти тонким. — С другими танцовщицами... У нас так можно.

Сайдулаев резко дергает меня на себя. Воздух вырывается из легких с коротким «ах!», когда наши тела сталкиваются в жестком объятии.

Я чувствую всё: жесткость его бедер, вжимающиеся в мои; пуговицы на мундире, оставляющие отметины на моем платье; сотрясающее его тело напряжение; взвинченные мускулы и кажется... гнев.

— Я не хочу других.

Губы полковника в непозволительной близости от моих.

— **Я хочу тебя, Элина.**

Темные ресницы Сайдулаева прикрывают глаза, когда он наклоняется так близко, что я могу пересчитать каждую прожилку в его радужке. Его дыхание горячее и неровное смешивается с моим.

Мое тело предательски реагирует: пальцы непроизвольно впиваются в его плечи, предчувствуя неизбежную катастрофу.

Он чувствует мой ответ. В его глазах вспыхивает триумф.

Мужские губы почти касаются моих, я уже чувствую их форму, их тепло, но...

Полковник замирает.

Мускулы на его руках напрягаются до дрожи, но он не завершает движение. Лишь сжимает кулаки с такой силой,

словно он... сдерживает себя?

– Вы... как все... – шепчу я, на миг прикрывая щиплющиеся глаза. – увидели, захотели... взяли...

Его выражение меняется. Где-то в глубине этих карих глаз вспыхивает что-то неожиданное, но с моих глаз прорываются слезы, которые я с таким трудом сдерживала.

Горячие, предательские.

Получается, он просто захотел воспользоваться мной? Просто взять, потому что может?

Я ведь слышала подобные истории от знакомых девочек. Если *этим* мужчинам понравилась девушка, она не в праве отказать. Они берут женщин, как подарки на празднике.

– Вы... мерзавец, – шепчу я.

Его ладонь всё ещё прикована к моей талии, словно раскалённый металл. Я чувствую, как каждый мускул его руки напрягается, когда он слышит это слово. Но вместо гнева в его глазах вспыхивает что-то другое. Голод. Такой порочный и необузданный.

– Да, – его легкое согласие звучит как вызов, как пощёчина.

Он достает телефон, находит музыку – тот самый ритм, под который мы танцевали для делегации.

– Ну?

Когда он отпускает меня, я едва не падаю от внезапной потери опоры. Полковник уже уселся на край стола, мощные бедра напряжены под тканью формы, руки скрещены на гру-

ди. В позе читается вызов и... терпение охотника.

– Танцуй.

Я замираю, но взгляд автоматически тянется к двери и кажется, Сайдулаев неправильно его понимает.

– Не переживай, – в голосе легкая забава. – Здесь шикарная звукоизоляция, – его взгляд медленно скользит по моему телу, а голос становится гуще, когда мужчина добавляет: – Ну... если ты понимаешь, *о чем*я.

Понимаю. Слишком хорошо понимаю. Мои крики никто не услышит.

– А если я откажусь?

Сайдулаев внезапно становится серьёзен. В его взгляде читается холодная решимость, от которой кровь стынет в жилах.

– Если откажешься, потеряешь все. Больше никогда не выйдешь на сцену.

Ему даже доканчивать не надо, я уже знаю, что это не простая угроза.

Если подчинюсь, потеряю себя.

Однако у полковника, оказывается, припасен еще козырь в рукаве.

– Более того.

Нет, он снова подходит ко мне, и снова я отступаю, пока спиной не врезаюсь в стеллаж. Но на этот раз мужчина не касается меня, только впивается взглядом. Просто смотрит мне в глаза пристально и бархатным голосом, будто это в по-

рядке вещей проговаривает:

– Если откажешься, я незамедлительно пошлю к твоему дяде старших. Просить твоей руки. И тогда..., – пауза, во время которой его взгляд снова опускается к моим губам, – разговор будет другим.

– Да ты сума сошел! Я не выйду за тебя!

Уже не заикливаюсь на том, что перешла на «ты». Ситуация и без того накаленная. Абсурдная!

– Если согласишься, я позволю тебе и дальше обучать детей, но о сцене забудь. Сделаем все, как нормальные люди. Ну... свиданки там, сватовство. Все будет прилично.

Музыка из его телефона льётся томным, коварным потоком – та самая мелодия, которую я ещё вчера танцевала с радостью. Теперь же каждый её аккорд бьёт по нервам, как плеть.

Мои пальцы сжимают складки платья в бессильном гневе. Он наблюдает за мной с тем же выражением, с каким смотрел бы на загнанного зверька – смесь азарта и ложного сочувствия.

Я не выдерживаю его взгляда, скользящего по моей груди, талии, бедрам. Он словно примеряет, оценивает. Мужчина, который минуту назад держал меня в углу как свою добычу, а теперь говорит о сватовстве.

Я его не знаю. И он меня тоже. О какой женитьбе идет речь?

Я ни за что не выйду за него. Если бы он хотел по-нор-

мальному, то не стал бы обращаться со мной как... как с какой-то падшей женщиной. Для начала спросил бы разрешения подойти, пообщаться, а потом раз на то пошло и свадьба.

Боже, он же касался меня! И не раз!

Как мне теперь жить с этим?

– Я никогда не буду твоей, Сайдулаев, – цежу сквозь зубы, хорошо понимая, что мне жестоко за это прилетит.

Но я – не его рабыня. Он не имеет никакой власти надо мной и никакого права прикасаться ко мне.

– Я буду танцевать для других! И никогда для тебя!

Толкаю его так резко, что мужчина от неожиданности отступает назад.

Как ошпаренная выскакиваю из кабинета. Слишком громко захлопываю дверь, не чувствуя собственных ног.

Родственники подбегают ко мне, один за другим осыпая вопросами:

– Ну, что там? В чем дело?

– Ты вся бледная...

Я стараюсь не дышать слишком часто, тем самым выдавая свое состояние. Вдыхаю так глубоко, что в груди колет. Я боюсь лишь того, что сейчас Сайдулаев выйдет в коридор и воплотит свои угрозы в реальность.

– Всего лишь формальность, – нервно улыбаюсь дяде. – Они меня напугали этим письмом, но... все в порядке. Мы можем ехать.

Глава 11

Сайдулаев

До всех событий

Я ненавижу эти официальные мероприятия.

Фальшивые улыбки, приторные поздравления. Разговоры вполголоса о связях, возможностях, протекциях. Всё это пыль, которую я терплю в этом позолоченном концертном зале только потому, что приказы не обсуждаются.

Я занял место на верхнем ряду вместе с офицерами. Отсюда хорошо видно сцену, но я уже уткнулся в телефон, разбирая залежавшиеся переписки. Еще пара часов и можно будет уйти.

Шум в рядах потихоньку стихает, зрители занимают свои места, где-то в углу сцены десятки букетов, подготовленные артистам.

Все продумано до мелочей. Как и всегда.

Гаснет свет.

Тишина в зале.

Затем резкий удар барабана как выстрел.

Еще один.

Третий.

И вот уже ритм заполняет зал, проникая в кровь, заставляя сердце биться чаще. Все-таки, танцы у каждого кавказца в крови и ноги сами начинают отбивать в такт.

Я поднимаю глаза.

На сцене наш государственный ансамбль. Мужчины в чер-

ных черкесках, стройные, как клинки. Девушки в белых платьях, с серебряными поясами. Идеальный порядок, выверенные движения.

Но мой взгляд цепляется.

Она.

Стоит чуть впереди.

Рыжие волосы – не просто рыжие. Пламя. Яркое, неукротимое, как те костры, что мы разводили в горах, когда я был еще мальчишкой. Две плотные косы рассыпались по ее плечам, переливаясь золотом под светом.

Интересно, свои или крашенные?

Белое платье облегает стройный стан, серебряные нити на груди сверкают при каждом движении. Узкая талия, которую так сексуально подчеркивает серебряный пояс. Округлые бедра. Изящные руки.

Еще один удар барабана и она взрывается движением.

Плавный поворот. Взмах рук будто крылья лебедя. Тонкая шея изгибается, подбородок гордо поднят.

Она не просто танцует.

Она порхает наравне с музыкой, с ритмом, с этим проклятым залом, полным фальшивых людей.

Я не осознаю, как вцепляюсь в подлокотники кресла.

Глаза гордые, горящие. Отсюда далеко и я не вижу какого они цвета.

Застываю в этом мгновении.

Зал, музыка, люди – все исчезает.

Остается только она.

И странное, опасное чувство.

Я хочу ее.

Как волк хочет луну – безумно, безрассудно, зная, что никогда не достанет, но не в силах отвести взгляд.

Музыка нарастает, барабаны бьют чаще. Она вращается в центре сцены, платье вздымается вокруг стройных ног, открывая на мгновение тонкие щиколотки.

Каждый взмах руки плетъ по моему самообладанию. Каждый поворот головы будто дерзкий намёк.

Мой взгляд выхватывает мужчин в первом ряду: начищенные до блеска ботинки, дорогие часы, жадные глаза. Чиновники, депутаты, бизнесмены. Все те, кто считает, что деньги дают право на всё.

Она поворачивается к залу, и ее губы растягиваются в яркой улыбке. Кому? Неужели этот жирный усач в золотых часах удостоился ее внимания? Или тому смазливому парнишке в дорогом костюме?

Почему я не знал о ней раньше?

Этот вопрос жжет мне душу. Я, полковник Сайдулаев, знающий всё о каждом в этом городе, пропустил *ее*?

Музыка достигает кульминации.

Она резко поднимает руки и замирает, как птица перед полетом. Затем аплодисменты. Громовые. Истеричные. Зрители бросают на сцену цветы, кричат «браво», мужчины свистят.

Я не хлопаю.

Я даже не дышу.

Рядом кто-то что-то говорит, но звук будто доносится сквозь воду.

Все, что я вижу – это *ее*.

Как она кланяется с достоинством. Как ее грудь быстро вздымается после танца. Как ее пальцы слегка дрожат от адреналина.

Я всё ещё сжимаю кресло, осознавая две вещи:

Я не позволю ей танцевать для других.

Я узнаю всё о ней – от имени до расписания.

Кровь стучит в висках, и я чувствую, как натянута каждая струна моего тела. Если бы я остался еще на минуту...

Я бы взял ее прямо на сцене.

Схватил бы за тонкую руку. Прижал бы к себе так сильно, чтобы она почувствовала мое дикое желание. Унес бы, несмотря на крики, на протесты, на выстрелы в воздух.

Но я полковник Сайдулаев. Я всегда получаю то, что хочу.

– Белые розы, – бросаю водителю, выходя из зала. – Без карточки.

Пусть гадает, кто их прислал.

А потом я наблюдаю из машины, как она выходит из концертного зала, держа в руках *именной* букет. Ее пальцы крепко сжимают стебли, маленький аккуратный нос вдыхает сладкий аромат, говоря что-то по телефону. Я сам не понял, как начал довольно улыбаться, как волк, поймавший ягненка.

ка.

Но когда через неделю я пришел к ней, все пошло не по плану.

Эта рыжая бестия...

Эта огненная лиса...

Она посмела отказать мне.

И теперь я знаю – она не строптивый ягненок. Она – дикая косуля, загнанная в угол, но не сломленная.

И это... черт возьми... только разжигает мой голод. Потому что эта девушка – единственный каприз, который не дает мне спать по ночам.

Глава 12

Я узнал какого цвета у нее глаза.

Зеленые. Яркие, как изумруды, но с искрой, которая обжигает сильнее любого огня.

И волосы у нее свои. Родной рыжий цвет.

Элина Мусаева. *Эля.*

С моей должностью и связями раздобыть информацию о девочке оказалось делом пяти минут.

Сирота, воспитываемая дядей. Ранее жила в Москве. Около месяца назад переехала в республику на постоянное жительство. Вот почему я ее еще не видел. Не то, чтобы я гонялся за каждой юбкой, но такой яркий бриллиант не заметить было бы сложно.

Точнее... такую не заметить невозможно. Она же у всех

на виду с этими яркими огненными волосами.

Красивая. Настоящая горянка.

И сейчас этот огонь танцует передо мной в пустом зале.

Я сижу, не скрываясь, но она меня не видит. Эля танцует так, словно в мире нет ничего, кроме этой музыки, льющейся из телефона. Танцует так, словно хочет, чтобы я украл ее.

Мелодия затихает, и я хлопаю. Персонально. Что-то острое до сих пор мечется в груди после того концерта, когда на нее смотрел весь зал. Зачем ее вообще пустили на сцену? Она же перетягивает на себя все внимание.

– Детский кружок?

Она что-то лепечет про танцы и детей, но я даже не вдупляю. Просто смотрю в эти изумрудные глаза и кажется, теряю голову. Вернее, потерял уже. Еще неделю назад.

Слишком наступаю на нее. Слишком давлю.

Она же совсем юная еще. Чистая. А я своим поведением пугаю девочку. Да и старше ее на полных четырнадцать лет. Бородатый дядька с оружием на поясе и все же...

Эля сбежала. Как дикая лань, учуявшая хищника. Но я быстрее и ловлю ее в коридоре, перекрывая выход.

– Тебе понравились цветы?

Она подняла острый подбородок.

Одним своим заявлением заставила кровь кипеть в венах.

Видите ли, многие ей дарят цветы. Но я же видел, как она держала *мои* розы. Такие же нежные и невинные, как и она сама.

Моя б воля, я бы спрятал ее высоко в башне и охранял бы как верный дракон, чтоб ни один мужчина не смел подойти к ней, дышать рядом, смотреть на нее.

Моя рука легла на стену рядом с ее головой. Затем вторая.

Я наклонился ближе, вдыхая ее запах – жасмин и что-то дерзкое, неуловимое.

Черт, Анзор, постыдись!

Веду себя, как подонок, зажав невинную и напуганную девушку в этом тусклом коридоре. Кажись, я даже слышу учащенный стук ее сердечка.

Держи руки при себе, Анзор. Она же девочка. Чужая. Не твоя.

Не прикасайся к ней.

Я ей не муж и вообще никто.

Но чем дьявол не шутит.

Я не могу.

В конце концов, какая разница, если скоро Эля все равно станет моей? Даже если этот мир перевернется, она станет моей женой. Моей. И тогда никому не позволю увидеть ее танцующей.

Никому.

Но судьба снова столкнула нас, будто испытывая мою выдержку. А я уже давно растерял всю свою армейскую дисциплину из-за этой упрямой рыжей лани.

Я заметил её ещё до начала выступления, когда она украдкой выглядывала из-за тяжёлого бархатного занавеса. Стро-

гие косы только подчеркивают хрупкость её шеи, а широко распахнутые изумрудные глаза выдают волнение.

Светло-зелёное платье, расшитое золотыми нитями, облекает каждый изгиб так соблазнительно, что у меня сами собой сжались зубы.

Черт!

Я же вижу, какими голодными глазами наши гости смотрят на наших девочек. Особенно их привлекают светленькие. Такие, как моя Эля.

Я подошел к ней, не скрываясь.

– Ты не будешь танцевать, – прошипел я так, чтобы каждое слово врезалось в сознание.

Она вздрогнула, но не отступила.

Я видел, как дрожали ее пальцы, но она не сдалась и все же вышла на сцену.

Наперекор мне.

Наперекор моему приказу.

Наперекор ярости, что кипела у меня в жилах.

И танцевала так, будто специально дразнила меня, испытывала на прочность – каждый взмах руки, каждый поворот бедер.

Я сидел, впиваясь пальцами в подлокотники до хруста дерева, чувствуя, как ревность разъедает меня изнутри. Эти жадные взгляды, эти похабные ухмылки... Эти арабы смотрели на нее, как на добычу.

А она улыбалась им.

Рядом сидел переводчик – седовласый мужчина с блокнотом в руках. Его глаза беспокойно метались между мной и арабской делегацией.

– О чём они говорят? – мой вопрос прозвучал как скрежет стали по камню.

Мужчина напрягся:

– Полковник, это личная беседа...

Я медленно повернул к нему голову, отрываясь от Элины. Всего на градус. Но этого хватило, чтобы переводчик побледнел.

– Переведи. Каждое. Слово. – мои пальцы сжали подлокотник так, что кожаный чехол затрещал. – Или твоя карьера закончится сегодня же.

Он проглотил комок в горле, бросив нервный взгляд на гостей:

– Они... восхищены танцами. И... – его голос дрогнул, – девушками.

Тьма накрыла меня волной.

– Продолжай.

– Говорят... в прошлый раз один женился на нашей танцовщице, – переводчик поёжился под моим взглядом. – Вы же помните ту историю, полковник?

О, я помнил. Слишком хорошо. И мне жуть как не понравилось.

Мои ноздри раздулись. Где-то в груди закипела чёрная, вязкая ярость. Я люблю свой народ и не выношу, когда дру-

гие заглядываются на наших девочек. А сегодня в центре внимания **она**. Та, которую я выбрал для себя.

Гнев. Она ослушалась моего приказа.

Ревность. Чужие взгляды рассматривают ее, языки обсуждают.

Жажда. Потому что она прекрасна, черт возьми.

Когда зал взорвался овациями, я вышел первым.

Но не для того, чтобы уйти. А чтобы переждать бурю внутри.

Потому что теперь у меня есть повод показать строптивой лани, что значит послушаться полковника Сайдулаева.

Глава 13

Элина

Утро после вызова в МВД началось с тишины.

Слишком громкой тишины.

Ещё в раздевалке девчонки перешёптывались за моей спиной, бросая странные взгляды. Но настоящее ждало меня у кабинета руководителя.

Марина Руслановна встретила меня у дверей, бледная, с трясущимися руками.

– Эль, зайди ко мне.

Ее лицо стало странно бледным. Тревога чувствуется даже в руках, которыми она завела меня в свой кабинет, пропахший лавандой, и закрыла дверь.

– Ты больше не работаешь в ансамбле.

Удар. Тихий. Точный. В самое сердце.

– Что?

– Приказ из министерства. Без объяснений.

Она развела руками – жест беспомощности, а я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

– Это... ошибка. Как же так? Я же хорошо выступаю!

– Согласна, но. Есть одно «но», – руководитель потянулась к папке, избегая моего прямого взгляда. – Твое имя внесли в черный список. Ты больше не можешь выступать на государственных площадках.

В голове пронеслось:

Анзор Сайдулаев.

– Что мне теперь делать?

Руководитель вздохнула.

– Ты можешь преподавать. Учить детей. Но... на сцену тебе дорога закрыта.

Я не помню, как дошла до дома.

Как сумка грохнулась на пол.

Как лицо уткнулось в холодную подушку, впитывая горькие слёзы.

Он отнял не просто работу.

Он украл часть меня – ту, что танцевала под луной в шесть лет, ту, что выходила на сцену с дрожью восторга, ту, что дышала этим.

И самое страшное – где-то глубоко внутри я знаю:

Это только первый шаг.

Сайдулаев не остановится.

Он захочет большего.

Я содрогнулась, представив его руки на своем лице. Его губы в непозволительной близости от моих.

Я боюсь.

Его власти, которая кажется безграничной.

Его связей, протянувшихся через весь город.

Но больше всего я боюсь того, что, если он коснется меня снова... случится непоправимое.

Я должна рассказать обо всем дяде. Скандала не избежать, но так есть шанс на спасение. Может он просто отправит меня обратно в Москву? О, как бы я хотела!

Спускаясь вниз, я надеялась найти дядю, но на кухне только Зара, помешивающая что-то в кастрюле.

– Элина, раз ты пораньше освободилась, купи на ужин хлеб.

Моя личная казнь временно отменяется. Я неохотно накидываю на голову легкую шаль (Зара меня заставляет носить платок) и выхожу на улицу в ближайший магазин.

Места себе не нахожу. Голова взрывается от потока мыслей.

Как отреагирует дядя? Не посчитает ли все моей виной? Он же сам разрешил мне работать в ансамбле. И хуже того, не отдаст же меня за Сайдулаева, если тот правда исполнит свою угрозу и пошлет к нам людей?

Боже, я сойду сума! Будь я проклята с этими танцами!

Жизнь теперь испорчена.

– Элина?

Мягкий голос вырывает меня из кошмара.

Я оборачиваюсь и вижу Юсупа, нашего соседа.

– А, Юсуп, это ты..., – с облегченным вздохом вылетает у меня.

– Как дела?

Смотрю в его добрые карие глаза, аккуратную бородку, руки, привыкшие к книгам, а не к оружию.

Парень ровняется со мной, и мы уже вдвоем продолжаем путь, но держим дистанцию. В отличие от Сайдулаева, Юсуп знает, что такое законы гор. В его присутствии я начинаю вспоминать, каково это чувствовать себя человеком, а не добычей.

– Я видел тебя по телевизору. Ну-у, на днях.

– Да?

– Когда арабы приезжали. Ты красиво танцевала.

– А-а-а... это.

Заставляю себя улыбнуться через силу, пускай и больно вспоминать тот день и последующие. И вообще, жизнь стала мне противной после появления в ней полковника МВД.

Мы идем вместе, болтая о пустяках. Он ждет меня с магазина, и мы вместе возвращаемся обратно.

Зара бросала мне намеки, что мать Юсупа положила на меня глаз и не против видеть своей невесткой. Я отшучивалась, конечно, но парень сам как-то предложил нечто подоб-

ное. Он сам по себе стеснительный, добрый и отзывчивый человек.

Если я выйду за него...

Господи, о чем я думаю?

Но ведь это выход!

Я должна принять предложение Юсупа и тогда Сайдулаев прекратит свою охоту на меня.

Останавливаюсь перед поворотом, внезапно осознавая – это мой единственный шанс.

Но смогу ли я? Смогу ли обрести свободу, заплатив за нее новой цепью?

Я поворачиваюсь к Юсупу, к этому доброму, честному человеку, который целый месяц смотрит на меня с таким трепетом, будто я драгоценность, а не затравленная добыча.

– Юсуп... – голос дрожит, но я заставляю себя продолжить. – То предложение... Оно всё ещё в силе?

Он замирает. Глаза расширяются сначала от неожиданности, потом в них вспыхивает робкая надежда.

– Да... – его голос тише шепота. – Если ты... Если ты проженишь, то...

Я закрываю глаза на секунду.

– Я согласна.

Юсуп застывает, будто поражённый молнией.

– Правда? – он произносит это слово так, словно оно обжигает ему язык.

Я киваю, ощущая, как что-то внутри меня разрывается на

части.

Но тут же внезапное облегчение.

Сайдулаеву придётся отступить.

– Элина... – его голос тёплый, искренний. – Ты уверена?

Нет.

Я не уверена.

Я просто...

У меня нет выбора.

– Да.

Глава 14

Юсуп смотрит на меня, его карие глаза изучают каждую черту моего лица, будто пытаюсь найти подвох.

– Элина, ты... всерьёз сейчас?

Его голос звучит недоверчиво, но в глубине проскальзывает надежда.

Я замечаю, как он непроизвольно делает шаг назад, будто уже представляет, как будущая жена будет пилить ему мозги.

– Моя родня знает твою, – продолжаю я, осторожно подбирая слова. – Ты живёшь недалеко... почему бы нам... не попробовать?

Я прикусываю губу, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Не привыкла я так откровенничать с мужчинами. И уж точно никогда не думала, что буду вынуждена принимать предложение от малознакомого парня.

– Мне так будет спокойнее, – говорю я твёрдо, поднимая

подбородок. – Если мои будут в курсе нашего общения...

Ложь.

Я имела в виду совсем другое. Если **ону**видит нас вместе, если слухи дойдут до него... Может быть, тогда он поверит, что Мусаеву Элину действительно выдают за Юсупа Байсангурова.

Но, приняв это решение, я понимаю, это не просто игра. Это цепь, которая потянется за мной всю жизнь.

Из-за одного чокнутого военного я готова разрушить свою судьбу нежеланным браком?

Юсуп расслабился, его губы растянулись в улыбке.

– Я рад, что ты передумала...

– Только мне нужно время, – быстро перебиваю я. – Давай сначала пообщаемся, а потом... всё остальное. Если что-то не срастется, мы просто расстанемся, идёт?

Его лицо сразу стало серьёзным.

– Тогда мне нужно получить от тебя доказательство. Серьёзность твоих намерений.

– Доказательство? – в животе зашевелился холод.

– Ну, вещь, которая принадлежит тебе. Чтобы я потом смог показать твоим старшим в знак правдивости.

– Юсуп, рано еще... Обычно так делают на кануне свадьбы.

– Если к тебе придут свататься, я смогу показать твою вещь и никому тебя не отдадут.

Я задумалась. Он прав. Это остановит полковника, кото-

рый грезился прислать к дяде своих людей.

Если годится любая вещь...

Мои пальцы сами потянулись к уху. Я снимаю одну серёжку, изящную серебряную веточку с крошечной бирюзой и протягиваю её Юсупу, стараясь не коснуться его руки.

– Вторая останется у меня. Чем тебе не доказательство?

Я попыталась улыбнуться, но его лицо вдруг стало каменным.

Он медленно взял серёжку, сжал в кулаке, и его голос прозвучал как приговор:

– Ну всё, Элина. Назад пути нет. Знай это.

Он делает паузу, и в его глазах мелькнуло что-то почти жалостливое.

– Хоть мне и хотелось, чтобы ты ещё подумала... но я уже месяц бегаю за тобой. Думаю, ты для себя все решила.

– Да! – моя гордость вспыхивает. – Я не отступлюсь. Но повторяю, Юсуп, мы сначала пообщаемся, узнаем друг друга.

Парень кивает и я, резко развернувшись, иду к дому, чувствуя его взгляд у себя за спиной.

Только переступив порог, я осознаю.

Что я натворила?

Теперь у Юсупа Байсангурова есть моя серёжка.

Ради собственного блага. Битый час твержу я себе, ощущая странный металлический привкус на языке.

Я согласилась.

Приняла его ухаживания.

Боже... кто меня за язык тянул?!

Кухня наполнилась ароматом жареного лука и говядины, но мои мысли витают далеко. Нож в моей руке методично нарезает хлеб, пока воображение рисует пугающие картины.

Общая крыша с нелюбимым мужчиной.

Его руки на моем теле.

Его дыхание на своей шее ночью...

Брр!

Я резко дернулась и острая боль пронзила палец.

– Ай!

Кровь алой струей выступила на коже.

– Ты сама не своя, Элина. Что стряслось? – Зара бросает на меня оценивающий взгляд.

Возможно, это был тот самый момент, чтобы сказать...

Я открываю рот, чтобы выложить правду, но в дверях возникает высокая фигура Расула.

Нельзя. Мужчины не должны слышать такие разговоры.

– Пустяки, – я прижимаю салфетку к порезу, откладывая признание.

Но «откладываний» оказалось слишком много. На улице каждый раз, когда сталкиваюсь случайно с Юсупом, прошу его пока повременить со сватами. Тот злится, не понимает почему тяну. Каждый день требует ответа, а я мямлю о «неподходящем времени».

А еще мы общаемся с ним по переписке иногда вечером

болтаем, когда обстановка в доме позволяет. Один раз правда меня подловила невестка, но ехидно подмигнула. Не станет она строить мне козни, как её свекровь.

С каждым днем сомнения растут.

Зачем я согласилась?

Почему не рассказала дяде правду о Сайдулаеве? Почему не сбежала в Москву, пока была возможность?

Я просто испугалась. За себя. За свою честь. Выпалила первое, что пришло в голову. А теперь...

Поезд ушел.

И все же я стою перед дядиной дверью в его выходной день.

– Элина? Заходи.

Голос дяди звучит приглушенно сквозь тяжелую дверь. Я делаю глубокий вдох, ощущая, как ладони покрываются липким потом.

Гостиная встречает теплым солнечным светом и горьковатым ароматом свежесваренного кофе. Дядя полулежит на кожаном диване, в руках у него газета.

– Дядя, есть то, о чем я хочу поговорить с вами...

– Я слушаю, дитя.

Его черные глаза, обычно строгие, сейчас излучали редкую тревогу. Я знала - он уже заметил перемены: мой уход из ансамбля, странные отговорки, ночные перешептывания с Зарой. Я приврала жене дяди сказав, что в будущем, когда выйду замуж, такая работа может помешать браку.

Никто не знает, что Сайдулаев внес мое имя в черный список.

Большая редкость, когда кавказский мужчина терпит, что его жена кружит на сцене перед другими. И плевать, что это профессия.

Поэтому еще в Москве мое намерение про брак было твердым.

Никакого замужества!

Я не хочу никуда.

– Дело в том, что у меня...

– Элина!

Из глубины дома раздается голос Зары. Дядя кивает мне:

– Иди, посмотри. Потом продолжим.

– Хорошо. Я быстро. Мне правда нужно поговорить с вами, дядя.

Горячо шепчу я, ловя его понимающий взгляд. Но в холле меня ждал настоящий удар.

Я выхожу из гостиной, и теряюсь, когда вижу мать Юсупа.

Глава 15

Мать Юсупа стоит в холле, одетая по-домашнему в разноцветное штапельное платье, с крупными узлами пальцев, переплетенных в тугой замок. Густые седые пряди, тщательно спрятаны под платком, выдавая лишь жесткий пробор у переносицы.

– Элина.

Ее голос прозвучал мягко, но глаза... О Боже, эти глаза!
Холодные.

Оценивающие.

Они скользнули по мне сверху вниз от гладких локонов до дрожащих кончиков пальцев будто взвешивают на невидимых весах.

Из глубины дома подошла Зара, с влажными от домашних хлопот руками.

– Добрый день.

Выдавила я, чувствуя, как сердце начинает колотиться быстрее. Она уже здесь. Значит, Юсуп не стал ждать...

– Прошу, проходите.

Проводив женщину в гостиную, я бросилась на кухню, судорожно хватаясь за чайник. Почему именно сейчас? Почему без предупреждения?

Через приоткрытую дверь доносятся приглушенные голоса.

– Мы уже давно смотрим на вашу девочку...

Сдержанные реплики Зары.

Я подношу поднос к двери, стучу для приличия. Мать Юсупа уже поднимается с дивана.

– Спасибо, дорогая, я уже ухожу. Заскочила на пять минут.

Ее улыбка кажется слишком натянутой. Зара же стоит, как изваяние с застывшей вежливой улыбкой, но глаза...

Они кричат о предательстве.

Как только дверь захлопнулась, жена дяди резко выдвинулась вперед:

– Ты что, Элина, даже своей семье не доверяешь?! – ее шепот звучит резко, как удар плети. – Не могла сказать, что у вас уже всё решено?!

Я открыла было рот, но...

Жест руки.

Приказ молчать.

– Конечно, похвально, что ты одумалась и перестала жопой крутить на весь мир, – шипит она, – но о таких вещах надо предупреждать заранее, девочка!

Ее пальцы больно обхватили меня за локоть.

– Теперь мне нужно просить у твоего дяди денег на приданое...

Последние слова повисли в воздухе, как приговор.

Я опоздала.

Зара буравит тяжелым, недовольным взглядом, а у меня все тело трясется в панике.

– Ни копейки не принесла в дом, замуж собралась! – руки её упёрлись в бока, словно готовая к бою. – Как я тебя теперь одену?

Я бросаюсь к ней, хватая за рукав халата.

– Стойте! Не говорите дяде ничего... Это... Ошибка... Я не давала Юсупу слово...

– Да ты что? – ее черные брови взметнулись вверх. – Как ты себя ведешь, Элина? Амина пришла ко мне, и лично ска-

зала, ты согласилась!

– Нет-нет! – кричу, размазывая слезы. – Я говорила, что подумаю... что просто подумаю, прошу тетя...

– А сережка? Я ее узнала. Твоя!

Сережка.

Та самая, которую я по глупости протянула Юсупу, не думая о последствиях.

– Отцепись же от меня!

Она толкает меня в сторону, и я падаю на кафельный пол, но эта боль ничто по сравнению с жжением внутри.

– Наоборот, хорошо. Избавлюсь от тебя, наконец, – фыркает Зара, глядя на меня сверху вниз. – Всю душу мне извела.

Дверь в гостиную захлопнулась.

Я осталась одна, сжавшись на холодном полу.

Что же я натворила?

Я ведь даже не думала, что всё зайдёт так далеко.

Это все Юсуп виноват. Поспешил.

Ночью я лежу без сна, прислушиваясь к скрипу старых половиц. Дядя и Зара давно спят. Ветер стучит веткой в окно, как назойливый гость, требующий впустить.

Болезненные воспоминания об отце и матери прерывает резкий звук уведомления.

Беру телефон с прикроватной тумбы.

Сообщение от Юсупа:

«Мама приходила к вам сегодня. Теперь все официаль-

но.»

Во мне вспыхивает яростный огонь. С трясущимися пальцами, я ударяю по экрану, набирая ответ.

«Юсуп, ты что наделал? Я так не хотела!»

Две галочки, пару секунд молчания, хотя парень в сети и следом входящий звонок.

Смотрю на его имя и недолго думая, принимаю вызов.

– Элина, что ты...

– Юсуп!

Мой голос вырывается гневным шепотом, я вскакиваю с кровати, сжимая телефон так, что стекло трещит под пальцами.

– Ты что натворил, а?! Я тебе слово не давала! Я сказала, что «подумаю»! Подумаю! А ты что сделал?

– Элина, успокойся...

– Нет! – я почти задыхаюсь, комок ярости распирает грудь. – Ты загнал меня в ловушку! Так не делается. Ты обещал дать мне время. Как я могу выйти за тебя, если мы с тобой толком и не общались?

– Ты что... отказываешься?

Я делаю глубокий рваный вдох. Господи, дай не терпения.

– Теперь – да! Забудь о свадьбе. Ты меня подставил, не спросив разрешения послал к нашим дверям свою маму.

Пауза, за которой последовал смех. Тихий. Недобрый.

– А теперь послушай внимательно, Элина, – голос Юсупа стал ниже. – Я тебе не мальчик, чтобы со мной так разгова-

ривала. Ты мне дала свое согласие...

– На общение! Не на свадьбу!

– Какая разница? – хмыкает он. – Если все равно выйдешь за меня.

Боже, я сойду сума... Что один, что другой. Что за напасть такая? В чем я провинилась? Какие грехи совершила?

Почему они все – и Анзор, и Юсуп, считают, что могут решать за меня?!

– Или ты думала, пообщаешься и бросишь? – голос парня звенит ядом. – Если у вас в Москве девушки ведут себя как шлюхи, то я не позволю так со мной обращаться.

У меня от шока раскрывается рот.

Словно мне плеснули в лицо кипятком.

Юсуп перешел все грани.

Я не позволяю ему договорить и просто прерываю звонок. Сажусь на кровать, ощущая дрожь в руках, хаос в голове.

Кажется, я сама загнала себя в клетку похуже.

Выкрутится ли Элина?

Мои дорогие, навсе мои книги действуют последние новогодние СКИДКИ ближайшие три дня! Цены ниже подписки!

До 19.12 ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Приятного чтения!

Глава 16

Жизнь без работы оказалась невообразимо скучной. Я и дня не помню, чтобы так бездельничала. И только вечером мое сердце ликует во время занятий с детьми.

Поправляю серебряную заколку в волосах, проверяя на-против широкого зеркала, не сбились ли волосы перед уроком. Возможно, закончив с текущим потоком детишек, я начну просить символичную цену за уроки, поскольку, оплачиваемой работы у меня теперь нет, то и средств тоже.

В зеркале, в которое я вглядываюсь, поправляя свой внешний вид, промелькнуло движение. Чёрная тень показала-сь в дверном проёме.

Сердце ёкнуло.

Я резко оборачиваюсь и застываю в ужасе.

Полковник Сайдулаев.

Он вошел бесшумно, будто крадучись на охоте. Как хищ-ник. Его высокая фигура перекрывает свет из коридора.

Дверь закрывается с тихим щелчком, а дальше... звук по-воротного ключа разлетается по комнате как выстрел взве-дённного курка.

Нет. Не сейчас. Не здесь.

Он запер меня. Запер нас двоих в этом маленьком трени-ровочном зале.

– Элина.

Его голос звучит мягко, почти ласково, но под этим шел-ковым тоном сквозит стальная хватка. Я отчетливо слышу ее.

Прижимаюсь спиной к зеркальной стене, словно хочу отдалиться от дикого волка, но дальше отступать некуда.

Он же офицер. У него погоны на плечах. Неужели, его ничего не волнует?

– Полковник, – мой голос на удивление не дрожит, хотя пальцы вцепились в складки танцевального платья. – Дети скоро придут. Открой дверь.

Он усмехнулся, сделал шаг ближе. Его тёмные глаза, немигающим взглядом скользнули по моему лицу, затем вниз, к шее, к вздымающейся в страхе груди, задерживаясь неприлично долго.

Я чувствую себя уязвимой в плотно облегающем платье из спортивной ткани, которая облекает все, что можно. И талию, и... переход к другим изгибам.

– Ключ в двери, – просто пожимает он плечами.

Я знаю, он уже нарушал правила, подходя так близко. В наших краях мужчина не имеет права прикасаться к чужой женщине. Даже случайное соприкосновение может стоить ему чести. Но Сайдулаеву по ходу плевать.

Он неумолимо движется на меня. Шаг за шагом. А я стою как вкопанная, понимая, что в ловушке, и бежать некуда. Да и не смогу справиться с этим горцем в одиночку. Куда моим хрупким костям против его тренированных мышц?

– Моя гордая строптивая лань.

Тепло его тела уже обжигает меня сквозь тонкую эластичную ткань.

Он медленно поднимает руку, и я замираю, ожидая уже привычного от него прикосновения (какой ужас!). Но его пальцы лишь скользят по зеркалу рядом с моей головой, оставляя след отпечатков на холодном стекле.

– Отойди. Открой дверь, – повторяю я, но звучит это уже не как требование, а как жалкая мольба.

Он наклоняется ближе, его дыхание обжигает кожу у виска.

Я задыхаюсь. Его запах. Мужской, насыщенный, такой брутальный заполняет всё вокруг.

– А если я не хочу?

Сердце бьётся так громко, что, кажется, он все слышит.

Его рука все-таки касается меня, и я всхлипываю от очередного унижения. Сегодня мужчина заходит дальше. Будто проверяет мои границы.

Большим пальцем проводит по моей нижней губе, заставляя сжаться всё внутри. Медленно. Намеренно.

– Ты знаешь, зачем я здесь, – хрипит он, и в его словах нет вопроса. Только утверждение. – Я не успокоюсь, пока не заполучу тебя.

Поднимаю на него взгляд и хочу просто испариться. Он... возбужден.

Не просто заинтересован, а на грани.

У меня мало опыта в подобных делах, но я понимаю это по севшему мужскому голосу, по его подрагивающим мышцам, словно вот-вот сорвется, по его глазам, в которых черный

туман, но тот самый опасный блеск, который я видела лишь однажды... в тот раз в его кабинете.

Я пытаюсь отстраниться, но спина плотно прижата к холодному зеркалу, а он горячий, неминуемый, как само пламя.

– Полковник...

Голос предательски срывается.

Одно слово и мои губы задевают его палец.

Соленый.

Грубый.

Невыносимо интимный.

– Анзор, – поправляет он. – Сегодня я не полковник для тебя.

Его руки скользят по моей талии, дерзко и неожиданно вжимает меня в себя, вырывая из легких рваный вздох.

Его губы в сантиметре от моих, и я чувствую их тепло. Он везде. В моих легких. На моей коже.

Я едва не теряю сознание.

Осталось лишь чуть двинуться навстречу, и я узнаю какие они на вкус. И на ощупь тоже...

Нежные? Или грубые? Если он курит, я должна почувствовать табак?

Не люблю, когда курят...

Элина, очнись!

Проталкиваю руки между нами в попытке оттолкнуть мужчину, но я лишь бессильно упираюсь в его твердую

грудь.

Голова кружится, когда смотрю в эти темные горящие желанием глаза. Я понимаю, чего он добивается. Я отказала ему. Отказала самому полковнику, о власти, деньгах и внимании которого мечтает каждая женщина здесь.

Но мне не нужно его богатство и привилегии, когда он поскотски ведет себя с женщиной. Трогает словно имеет право. Словно уже стал моим мужем.

Грубый, властный, без права на отказ.

Я пытаюсь увернуться, но его пальцы впиваются в мои волосы, удерживая на месте. Большая ладонь наматывает мою косу в кулак, заставляя меня зашипеть от несильной, но неприятной боли.

Он прижимается щекой к моей, и его губы почти касаются уха.

– Тише, моя строптивая... – его хриплый голос действует на меня совершенно иным образом. – Я не обижу. Просто скажи мне «да».

Горячая ладонь снова судорожно скользит по моей талии, сжимает, но не опускается ниже. Он держится, но напряжение в его мышцах выдает, как тяжело ему это дается.

Не обидит.

А сам уже везде всю облапал. О, Всевышний... как я выйду замуж за Юсупа, если ко мне уже прикасался мужчина? Это так порочно. Так неправильно.

И вдруг в голове пауза.

Юсуп.

Свадьба.

Я нервно сглатываю, облизываю пересохшие губы, с которых Сайдулаев не сводит свой похотливый взгляд.

– Отпусти меня.

– Скажи, что ты моя. Скажи, *Эля*.

С шумом тяну воздух, чувствуя, как глаза щиплет от этого его «Эля». Он даже имя мое сократил до ласкательного...

Что мне с ним делать? Сайдулаев просто сума сошел.

Его лоб прижимается к моему, носом трется о щеку медленно, почти по-кошачьи, оставляя за собой след жгучего тепла. Жест такой неожиданно нежный от этого могучего мужчины, что сердце предательски сжимается.

– *Эля...*

Этот шепот обжигает сильнее любого прикосновения.

Я закрываю глаза, чувствуя, как его дыхание смешивается с моим и выдыхаю единственно верное:

– Я выхожу замуж. За другого.

Глава 17

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.